

ЕЛИЗАВЕТА ПОРФИРЬЕВНА вспоминала о своих коллегах-этнографах, учителях и учениках, показывала фотографии в рамках, стоящие тут же на рабочем столе. Фотографии ничуть не пожелтели, как пишут обычно журналисты, а выглядят в большинстве своем, как только что напечатанные. В основном любительские, они рассказывали о простых и честных людях, о молодости нашей страны, вернее ее юности, о времени, когда освобожденный народ с энтузиазмом начал строить новый солнечный мир. Имена людей, к которым я отношусь с благоговением, 72-летняя Елизавета Порфирьевна называет просто: Сережей, Кешей. Владимир Германович Богороз, Иннокентий Степанович Сулов, Сергей Николаевич Стебницкий,—люди, сыгравшие выдающуюся роль в деле становления государственности малых народов Сибири и Камчатки.

Работала Елизавета Порфирьевна учительницей, учила грамоте ительменских детей, участвовала в переписях населения Камчатки, была представителем Комитета Севера от Камчатки.

На бату, на оленях и лошадях, а позже на катерах и самолетах, проехала она всю Камчатку. Знала этнографа Бауэрмана, корякских писателей Кеца, Баранникова, Жукова. Первая читала их автобиографические рассказы и повести, сказки, собранные ими у своих односельчан из сел Тымлат, Апука.

— Какие были ребята! — вспоминает этнограф. — Любопытные, прямые, работающие. Когда началась Великая Отечественная война, как один, пошли на фронт.

Елизавета Порфирьевна умолкает, думает о своих погибших уче-

ГОДЫ ДАЛЕКИЕ, БЛИЗКИЕ

никах. И мне понятно ее скорбное молчание.

— Вот два букваря: ительменский и эскимосский. Их составила не только я, но и дети, ученики, — ительмены и эскимосы. Посмотрите, вот они все.

На фотографии сидят улыбающиеся черноволосые юноши и девушки.

А вот и другие фотографии — старинный быт ительменов и коряков. Семья в национальной одежде, ветхие домишки, землянки...

— Со Стебницким Сергеем Николаевичем, этнографом и языковедом, я была долго знакома, и с его женой Марией Львовной. Его работы читала об олюторских коряках, переводы сказок И. Баранникова из с. Тымлат, рассказы, рукописи. Как он настойчиво изучал корякский язык! Все девять диалектов знал. За ним тянулась корякская молодежь. Всюду, во всех селах, знали его и любили... Погиб на Ленинградском фронте.

Я листаю рукопись монографии по ительменам, еще не изданный букварь на алеутском языке.

— Вот, они там, в США, не могут издать ни одной книги для алеутов, для западных индейцев и эскимосов, а у нас первым делом грамота, письменность, буквари, литература. Им там даже в голову не приходит это.

Е. П. Орлова спрашивает меня о семье, о детях учительницы Юшиной Раисы Пантелеевны, о ее работе в Карагинской школе. В одной из своих командировок она была на квартире у Раисы Пантелеевны. Я рассказываю

о новой восьмилетней школе в Караге, о клубе, новых профессиях, о художественной самодеятельности, о колхозном флоте.

И она не удивляется:

— А как же иначе! Так мы и видели тогда будущее Камчатки в 20—30-е годы! Но это не просто, на Севере, без железных дорог. Ах, какие молодцы! — радуется Елизавета Порфирьевна.

Расспрашивает она об эскимосском семействе Пашко. Брат тети Марии помогал составлять эскимосский букварь. Тогда он был комсомольцем-активистом, позже работал в НКВД. Рассказываю. Она не перебивает.

Мы смотрим богатейший архив Е. П. Орловой: три широких славянских шкафа, специальную библиотеку, где каждая книга — о Камчатке, единственные и редчайшие рукописи и малотиражные издания. Например, рукопись ительменских сказок, где только одна из них на 18 страницах увидела свет, и то в Магадане.

Рассматривая статьи, я прошу у этнографа хотя бы две—три для камчатских газет. Она обещает переслать.

Мы снова сидим, я слушаю рассказ о тех временах, когда проходили важнейшие события: коллективизация, ликвидация неграмотности, образование округа. Я, в свою очередь, рассказываю о современной Камчатке, о Петропавловске, о нашем областном краеведческом музее, где работаю. Елизавета Порфирьевна согласна помочь нашему музею редкими книгами, снимками.

Комната, где мы сидим, — старинная, с высокими потолками, она уютна и просторна. Уют со-

здают огромное, толстого кронверкского стекла, зеркало в раме из красного дерева, шкафы у стен, кресла, украшенные пре-красной резьбой, и картины. Акварели, графики, масло.

И опять к воспоминаниям о Камчатке. Знает Елизавета Порфирьевна семью Жирковых из Коврана, семью Наяновых из Караги, а Николая Ивановича Наянова, научного работника, карагинца, знает очень хорошо. Он сейчас работает в Иркутске.

Уже будучи, в возрасте за 60 лет, Е. П. Орлова повторила маршруты своей юности. Проехала верхом по тропам через Срединный хребет, на катерах, побывала у островов Беринга и Медного,

— Передайте привет нашей дорогой Камчатке! — говорит она мне и угощает ленинградскими яблоками со своего сада.

Мы прощаемся. Я покидаю квартиру Орловой — частичку Камчатки на шестой линии Васильевского острова в Ленинграде.

В. МАЛЮКОВИЧ,

научный сотрудник областного краеведческого музея.